

№ 13 КРОКОДИЛ

Москва. Май 1933 г.

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ЦЕНА НОМЕРА 30 КОП.

Рис. М. Черных (тема А. Бузова)

Национал-социалисты объявили 1 мая днем классовой солидарности.

— Пусть кто-нибудь скажет, что сегодня мы не идем рука об руку с рабочим классом.

ГРЕБЛЯ

Греблей на Кубани называют земляную насыпь через речку, пруд, озеро, болотце. Нет на Кубани станицы без гребли.

Иногда на „большой“ воде гребля прерывается деревянным настилом в виде мостика. Вся гребля земляная, а над самой водой несколько досок.

Так вот, мы проехали сотни километров по кубанским степям и не можем назвать одну станицу, где переезд через греблю не был бы сопряжен с риском для жизни. Взятие гребли — мало сказать удача, — это событие! Если вы сами, по собственной инициативе, не поделитесь, прибыв благополучно на место, как удалась доехать, вас другие спросят об этом.

— Эх, и была ж работенка, — начинаете вы, выставляя вперед изъеденные грязью сапоги или исцарапанные руки.

Вас сразу понимают.

— Где? На Сивой балке?

Затем начинается подробное изложение событий, которое всегда охотно выслушивается, ибо ваши собеседники были точно в таком же положении неделю назад. Только тогда было еще хуже: после дождика гребля совсем расплзлась, превратилась в кашу, и пришлось идти в станицу нанимать людей и лошадей. Шесть пар вытягивали, полдня ухлопали, одна лошадь издохла.

Станичные работники гомерически смеются, когда кто-нибудь вспоминает о таком путешествии. А что здесь смешного?

Неужели нельзя починить мостик на балке? Неужели трудно засыпать рытвины на гребле?

Почему станичным работникам, активу станицы и районному докладчику не стыдно за такое состояние единственного подездного пути в станице?

Тихорецкий, скажем, район на Кубани сдает обычно государству десятки тысяч тонн зерна и подсолнуха. Павловский район сдает примерно столько же. То же Куцевский, Мечетинский и другие районы. Весь этот хлеб, все это масло прошли через гребли. Миновать их не может ни одна подвода, ни один человек, ни одна душа. Нет других путей.

Не трудно представить, сколько на греблях поломано возов, погублено лошадей, потеряно часов, дней, недель. Сколько грыж найдено при поднимании сползших с гребли в болото возов и лошадей. Деревенская грыжа (об этом говорит и старая земская статистика) „в основном“ — грыжа, найденная у моста, у гребли, на гати...

Сколько раз за шестинедельное пребывание в Кубани нам пришлось быть свидетелями того, как ответственные работники — районные и краевые — вынуждены были отказываться от неотложных, оперативного характера поездок по станицам исключительно из-за возмутительного состояния дорог греблей. Сколько раз они возвращались с полдороги!

— Эй, отец! Через Куцевскую греблю можно про-е-е-хать?

— Ни. вертайте наза-а-д!

И „вертают“. Кому охота застрять на полдня, а то и „насовсем“.

Останавливается вся жизнь района! Перестают возить хлеб! Легально прекращаются хле-

бозаготовки! Нельзя доставить машины, семена, удобрение к севу.

На Кубани идет напряженная борьба за сев. В этой борьбе проверяется боеспособность местных партийных организаций. Но разве председатель станичного совета или секретарь парткома станицы, где из-за возмутительного состояния греблей прекратилась или замедлилась сдача хлеба государству или приостановился подвоз необходимых материалов к севу, действительно борются, как следует, по-большевистски, за сев или за хлебозаготовки?

Известен ли, однако, хотя бы один случай, когда хотя бы какому-либо коммунисту поставили на вид за состояние мостов, дорог и греблей в районе его деятельности? И чтобы именно так было написано в партийном постановлении: объявляется выговор за то, что на мосту под окнами стансовета ежедневно ломаются десятки возов, надрываются и калечатся люди лошади, уничтожается народное достояние...

Нет, не было таких решений. Не приходилось что-то о них слышать.

А жаль. Надо было бы дать хоть несколько выговоров местным сельским и районным работникам за состояние мостов и дорог во „вверенных“ им районах. И расписать широко об этом в газетах. И проработать вопрос на партийных собраниях. Чтобы втянуть всю колхозную массу в борьбу за хорошую греблю. Чтобы не смешно было, а чтобы стыдно было слушать анекдоты о том, как люди и подводы мечутся взад и вперед между двумя греблями ни-взад, ни-вперед!

А. АГРАНОВСКИЙ

ПОД РАЗВЕСИСТОЙ ШЛЯПОЙ

НАХОДКА

Трудности бывают разного рода.

Трудно, например, найти уравнение с семью неизвестными. Еще трудней найти иглоу в стог сена.

Но труднее всего найти трактор в Беноглинском совхозе.

Недавно, кстати, именно в этом совхозе нашли два трактора.

Найти их стоило не мало труда. Директор совхоза искал везде: и в комоды, и за письменным столом, и под кроватью.

Завалились проклятые тракторы да и только...

Нашли их совершенно случайно... в поле, где тракторы

стояли под снегом всю зиму и вросли в землю почти по самое рулевое колесо.

Надо полагать, что в этом совхозе тракторы произрастают, как подсолнухи.

Посеешь гайку от трактора осенью... к весне вырастает в поле целый трактор.

ХОЧУТ СВОЮ ОБРАЗОВАННОСТЬ ПОКАЗАТЬ

Всякий деловой человек любит точные и ясные ответы.

Колхозник Мальцев Терентий запросил столичный журнал „Соя и новые культуры“, почему в самом конце цветения чины на отдельных участках ее цветы увядают.

Журнал добросовестно ответил дяде Терентию:

„Можно предположить две причины: 1) незамеченными вредителями или микроскопическими патогенами или же 2) возможно, что здесь играет роль микрорельеф или мозаичность почвы. Например, уплотненные почвенные участки с затрудненной аэрацией типа западных или, что еще более вероятно, участки солонцового комплекса, на которых к концу цветения чины ее корни достигают дозоленосного горизонта (В²), что возможно, и вызывает завядание цветов“.

Лейкин, описывая купцов, рассказывал про одного любителя иностранных слов, который выражался так:

— Вот, я двину тебя по башке конгрессом, и ты придишь в апатию чувств!

Не надо товарищ. А то не только цветы, но и уши могут завянуть...

КОНЫ

(Почти по Пушкину)

„Что ты ржешь, мой конь ретивый? Что ты шею опустил?“

Не помахваешь гривой, Не грызешь своих удиц?“

Отвечает мерин мрачный: — Оттого я присмирел,

что мой конюх-подкулачник кое-как за мной смотрел.

Оттого, что враг суровый не расчистит мне копыт и железные подковы,

как попало, прикрепит. Оттого теперь и ржу я,

что седелка и хомут и непригнанная сбруя кожу до ярови натрут. Оттого душа и стонет, оттого худы бока,

что „ухаживает“ конюх по указке нулака.

А. СТОВАЦКИЙ

„СЕЯТЕЛИ“

(Из дневника бригадира. От нашего спецкора Дмитр. р-на, Моск. обл.)

15 МАРТА. — Сегодня, как и каждый день, наместие сеятелей продолжается: приезжают „помощники колхозной весны“, „уполномоченные весеннего сева“ и „организаторы сверххраненной грязи“. Предколхоза „Ударник“ тов. Куликов никак не может начать работу: сегодня его осаждали шефы из треста „Углубления весенних вод“, допытывались, когда поспевают га, какой длины укос, и, глядя на крыши домов и сараев, спрашивали, почему у нас до сих пор не поднята земля? Обещала прислать канат и две лебедки. Выку упорно называли горохом и искали, куда в борону наливает горючее.

17 МАРТА. — Заболел председатель Пересветовского сельсовета Сизов. Бредит, размахивает руками, кого-то гонит. Фельдшер определил: „Посевная горючка на почве керутожасения“. Еще был Сизов в один день четырежды давал объяснения четырем инспекторам райзо об инвентаре, дважды — областным инструкторам о площади посева, представителю милиции — о здоровье ж больших лошадей, два часа толковал агроному о исключении семян, а представителю „Семеновода“ заполнил анкету в 83 вопроса.

Такой нагрузки и трактор не свесет!

18 МАРТА. — Представитель рика никаких объяснений не получил: председатели сельсовета пришлось отвести под руки домой, как „не справившегося со своими обязанностями!“ У дверей его избы в ожидании сведений выстроилась очередь „сеятелей“ и „проверителей“.

19 МАРТА. — Счастливые день! Камется, наместие кончилось, так как никто жаловаться не приходил. Уши! Прибежал испуганный хромой письмоносец: насплу вырвался от проверяющих. Оказывается, в плесу у них все и предколхоза, и валхов, и кладовщики, и счетовод, и все бригадир. Ходит, объясняет проверяющим: почему борона без руля, с какого боку у рядовой сепали решетот, почему не очистили поля от навоза (говорит, — мука будет вонять).

Беги в баню! авось, туда не придут.

20 МАРТА. — Председатель слаб. Все бредит: „Работа выполнена на 764/370... Созвано 2 узких плесума, 3 широких, 4 длинных... 6 продолговатых и несколько овальных... засеяно 4 золотники... Обследованы все внутренности вплоть до мозелей“.

Держи лед на голове.

30 МАРТА. — Что было! Все были. Все шефы, весь рик, весь „районный наместаб“, все делегаты, уполномоченные. Обследовали. Проверили. Ничего не упустили. На объединенном заседании составили акт неготовности инвентари и прорыв кампания у левого заднего колеса запасной телеги доставало деревянной чепи!

1 АПРЕЛЯ. — Фу! Камется, уехали в соседний Печерниковский колхоз. Пусть почувствуют. Не все же нам одним отдуваться.

С. ДОРОФЕЕВ

НЕЗАМЕТНЫЕ ГЕРОИ

Провернув маленькое летучее заседанье, мы, то-есть наш начальник, наш бухгалтер и я, одновременно взглянули на стенные часы. Бухгалтер сказал:

— Хотел уложиться в четверть часа, а прозаседали два с половиной. И всегда так. В итоге же — и здоровье портится и текущая работа страдает. Нормально ли это?

Я пояснил:

— Неизбежные издержки производства. Вот, возьмите героический поход „Сибирякова“. „Сибиряков“ и во льдах простаивал и штормом его мотало... Однако сибиряковцы не ныли, не жаловались.

— Да что „Сибиряков“! — внятно поддержал меня наш начальник. — Вот со мною недавно был случай: захворала моя жена. Ну, хорошо, захворала...

Дверь приоткрылась. В образовавшуюся щель проникла секретарша, похожая на ящерицу, и произнесла:

— Дождидается. Просил доложить. Говорит, по важному делу.

— Но вы же видите, занят я! — нервно сказал начальник. — Хорошо, захворала... Был врач, прописал порошок. И вот, значит, пошел я в аптеку. А в аптеках сейчас, надо вам сказать, и прием рецептов и отпуск лекарств сосредоточены в одном общем окошечке, ну, значит, создаются очереди. Хорошо.

Дверь открылась. Вошел гражданин, угрюмо-посетительского вида, закрыл ее за собой и внушительно заявил:

— Извиняюсь, но невозможно же! По вопросу

требуемому пяти минут разговора, дожидаясь четвертый час. А ведь я занят, у меня дела!

— Все мы, товарищ, заняты, и у всех дела, — мягко сказал начальник. — Хорошо, простоял я с час, достоялся. Взяли у меня рецепт, подчеркнули что-то и вручают обратно: „Вот этой составной части у нас, — говорят, — нет, получите в другой аптеке“. Хорошо... Пошел я в другую аптеку, достоялся. Там эта составная часть оказалась, но не оказалось еще какой-то. В третью пошел, достоялся, но там опять первой составной части не было. И вот, верите ли, обошел я шестнадцать аптек и только на пятый день в семнадцатой нашел все, что требовалось.

— Что же... Все хорошо, что хорошо кончается! — наложил резолюцию бухгалтер.

— Но оно не окончилось, — сказал начальник. — В семнадцатой аптеке мне заявили, что для такого лекарства обязательно требуется печать врача на рецепте, без печати они не отпустят. Ну, хорошо. Пока я ходил к врачу за печатью...

— ...В аптеке не осталось этого лекарства? — догадался бухгалтер.

— Ничего подобного. Я сам опасался, но в аптеке сказали, что у них его — хоть завались! Лекарство я получил. Обошлось оно мне в двадцать шесть часов внеслужебного времени и в семьдесят три копейки, но получил. Беда же в том, что жена моя тем временем после кратковременной, но тяжелой болезни... Мы торжественно и грустно привстали.

— Выздоровела, — докончил начальник, — и порошков есть не стала. „Может, — говорит, — больные от них выздоравливают, а здоровые заболевают, почему я знаю?“ Вот. А вы говорите — „Сибиряков“! Он вздохнул. Мы тоже вздохнули. А угрюмый посетитель пробормотал:

— Ну, подумаешь... Это что!..

— То-есть, как же? — удивился начальник.

— А так. Во-первых, вы ходили во внеслужебное время. Во-вторых, вообще никакого тут нет героизма по аптекам ходить. А вот попробовали бы, как я, сходить по служебному делу в Мосжилотдел с заявкой на счет квартир для итровцев!

— Ну, и что же? — спросил начальник. — Но только, прошу вас, покороче.

— В два счета, — успокоил его посетитель. — Коротко говоря, семь дней я ходил. Записывался в очередь к заву, стоял в живой очереди, достаивался вместе с другими до секретарского заявления, что сегодня приема не будет, опять записывался, опять стоял, опять достаивался...

Начальник промолвил: — А короче?

Посетитель кивнул головой: — Хорошо. Телеграфным языком. Воевал запятая угрожал запятая врывался кабинет точка. Через семь дней добился свидания секретаршей и ответа две точки оказалось, что мне нужно обратиться не в Мосжилотдел, а к вам! И вот, из-за этого, из-за полминуты разговора потеряны семь рабочих дней там, да четыре часа у вас!.. Ну с, и дело у меня к вам вот какое...

Мы все одновременно посмотрели на стенные часы. Начальник встал и сказал:

— Сегодня, товарищ, не могу, ничего не могу. Спешу и, кроме того, без четверти пять: аппарат разошелся. Завтра выходной. Послезавтра зайдите к секретарю, он назначит вам день и час.

ГРАМЕН

Про героическую ЗАМАШКУ, Про обманную БУМАЖКУ, Про весеннюю ЗАПАШКУ

(К „чудесному“ исчезновению 30.000 га озимых в Западной области)

Сказочку правдивую послушать не хотите ли? Был один район. А в нем — руководители. Район, как район, — поля и лес, совхозы, колхозы и Эм-Те-Эс...

Наступила осень. И, разумеется, надо району под озимое посеяться. Ну, планы, конечно, готовы давно, — только не готовы кони да зерно. Да с тракторами чего-то там такое: из десятка девять выбыли из строя. Зато руководство работает „на-ять“. Главное, понимаешь, духа не терять, чтоб было, понимаешь, боевое напряжение, в час — семь приказов и три распоряжения...

Ну-с, начали они таким манером засеиваться и не знают, понимаешь, куда им деваться: по плану-то у них и половины не выходит!.. А солнце, между прочим, всходит и заходит. Оно, брат, не смотрит, что нет тракторов, взошло, посветило — и будь здоров!

В соседних районах управиться успели, отсеялись и даже „Интернационал“ пропели. И шлют, понимаешь, в центр, телеграммы: „Так, мол, и так. Мы выполнили программы“.

И стало районщикам нашим обидно: все на виду, а их не видно! Про всех соседей пишут газеты, а про них ничего, понимаешь, нету!

И вот закатили они заседание:

— Пиши, что выполнили мы задание с переработкой на тридцать процентов и нет у нас в области конкурентов. Пиши: несмотря на происки врага, засеяно столько-то и столько-то га!

Ну-с, написали, конечно, составили и в конце для крепости „Урал“ поставили. На будущее время поклялись и обязались и по порядку все расписались. Послали в газету, а для газеты находка такая, понимаешь, геройская сводка. Сейчас ее на первую страницу ставят и наших районщиков в доску славят.

Районщики ходят, задравши нос, каждый сразу на вершок подрос. Забыли, что сводка их липового свойства, сами поверили в свое геройство. И прямо от восторга сходят с ума.

Ну-с... Проходит, конечно, зима. А за зимой уж, как полагается по промфинплану, — весна надвигается. И опять, само собой разумеется, приходит пора под яровое сеяться. Проевши за зиму фонд семенной, зачесали герои в затылках весной.

И пошли, куда надо, просить семена. А им отвечают: „Вот-те на! Так у вас же количество невообразимое было засеяно под озимое! А теперь вы даете такую смету, будто у вас и озимых нету! Как же так, дорогие герои?“

Стоят районщики и землю роют. Стоят и открыть не решаются рта. А стали говорить, — не поймешь ни черта:

— Получилось вроде как... недоразумение... Вышло затмение... ни более ни менее... Мы, понимаешь, из-за происков врага не досеяли осенью столько-то га! И замакали жалобно, как бараны.

Сказала комиссия:

— Оч-чень странны-но-но! Вы уж извините за беспокойство, а мы расследуем ваше геройство и возьмем кого следует за бока! Ну, пока!

И стыдливо покашляв, сапогами поскрипывая, потоптали домой герои липовые.

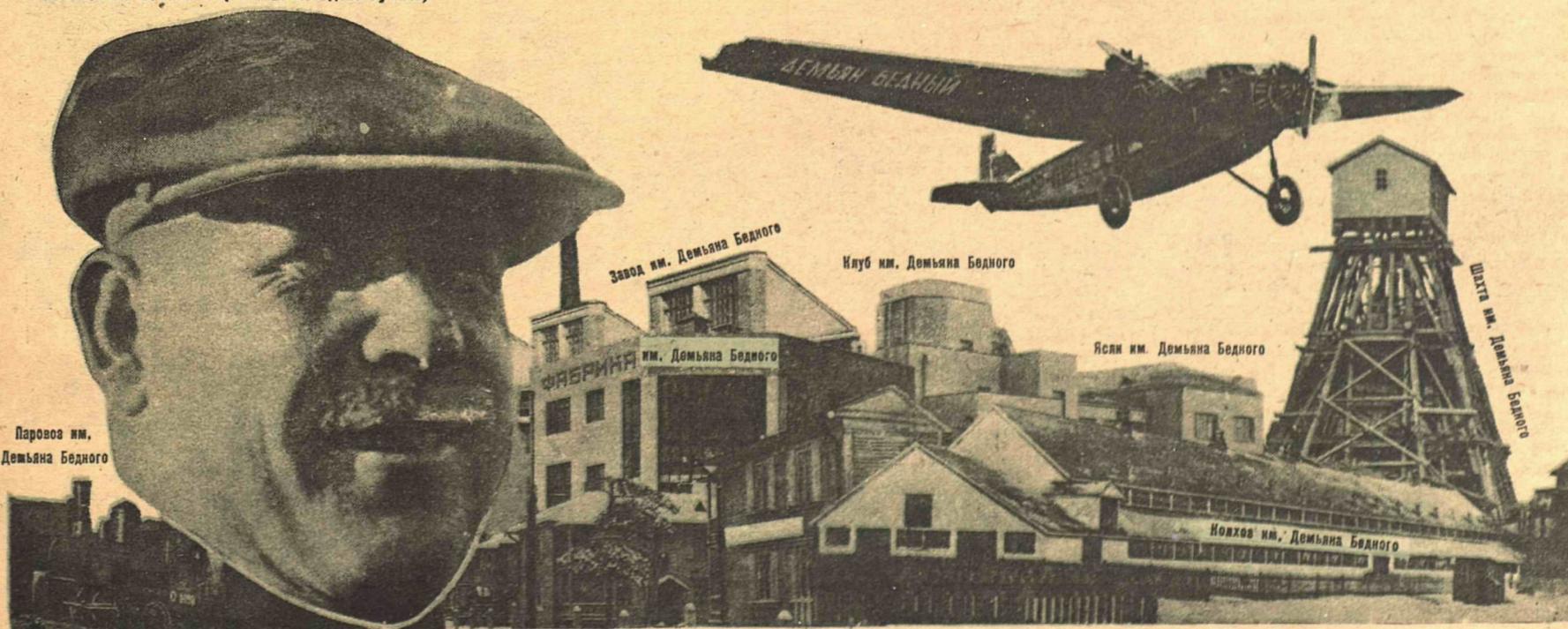
Сраму-то сколько! Сраму-то! А ведь чуть не добились почетной грамоты!

Вот ты тут, что хошь, и говори! Ведь какие бывают на свете „липари“: засеют, понимаешь, тебе на бумаге даже колдобины и овраги. А только эти посеви бумажные дают урожай очень неважные.

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

Фотоколлаж Б. Клипча (тема В. Лебедева-Кумача)

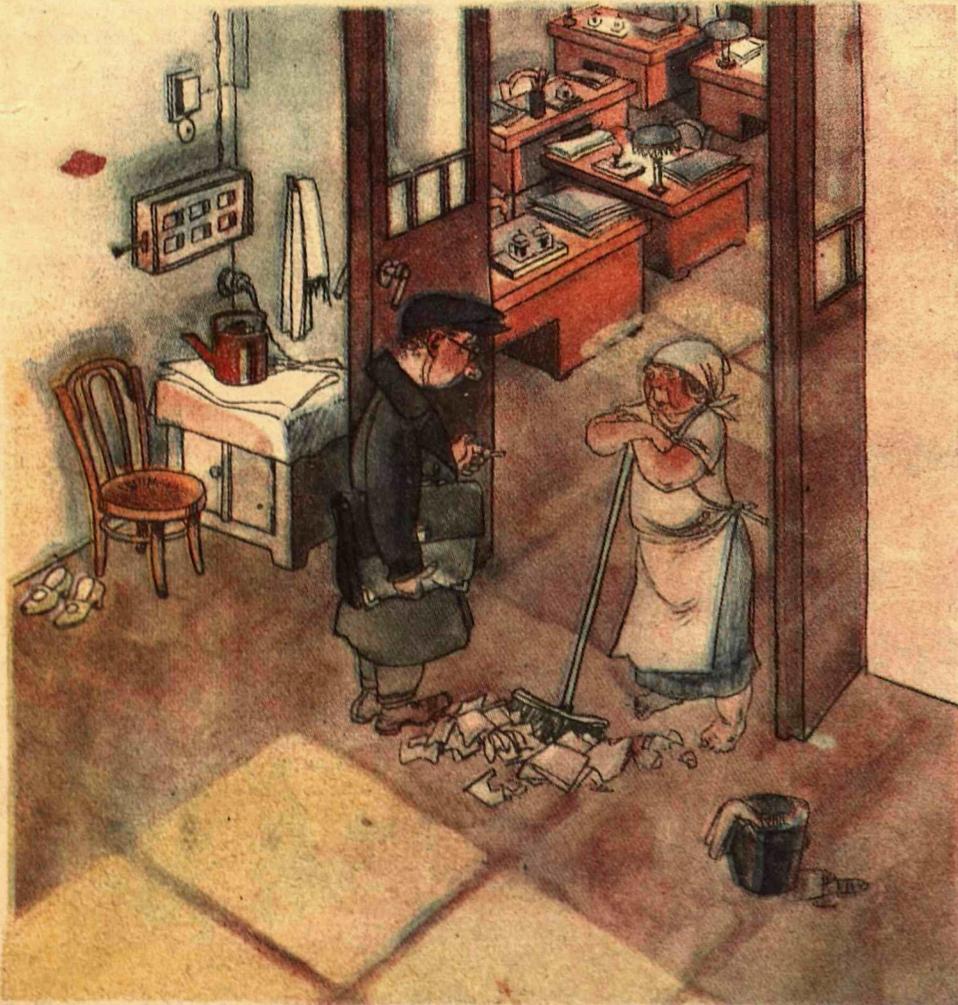
— А еще говорят, что я бедный й...

ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЙ РЫБОЗАГОТОВИТЕЛЬ — Ну и квартиру дали под самыми окнами всегда куча гниющей рыбы.

— Итого на сегодня „Сталью“ изгот для нас 220 тонн клять и 12 тонн сы

ДАЧНИК-НЕУДАЧНИК
(В дачном тресте)

— У кого тут узнать насчет дачи?
— Никого нет, все на даче...

ТОНКОСТИ ЯЗЫКА

— Купил?!
— Достали!

АНГЛИЧАНЕ-ТО!.. ПРОСВЕЩЕННЫЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ! И ВДРУГ...

(А. В. Сузово-Кобылин. „Свадьба Кречинского“)

Рис. Л. Бродаты (тема Я. Бельского)

**Англичанин - мудрец, чтоб работе помочь,*
Поломал за машиной машину.**

* Помочь, главным образом, работе Интеллижене Сервисе.

овлено
рья...

Рис. Ю. Ганфа (тема М. Глушкова)

Рис. А. Радакова (тема М. Глушкова)

— Ну разве можно иметь какое-нибудь дело с большевиками?..

Оптом и в розницу.

На сцене Управление шахтой № 3. Заведующие читают в панике постановление Совнаркома и ЦК от 8 апреля о реорганизации управления шахтами, о необходимости сокращения заведующих, об уничтожении обезлички в управлении, о преимуществах подземным работникам. Одни завывают, другие плачут, третьи твердят: „В Москву, Москву, Москву, Москву...“

Семьсот первый зав. И зачем мы так расплодился?.. Зачем наша завья порода размножилась, словно отчетность и переписка?

Пятьдесят девятый зав. Не сделайся я завом, — я бы теперь где-нибудь работал, создавал продукцию, приносил бы пользу.

Неопределенный зав. Кончилось наше легкое житье. Неужели придется чему-нибудь учиться и действительно работать?

Семьсот первый зав. К чему такие страшные слова? Сколько лет жили без учебы и работы и ничего — заведывали, получали жалованье и даже повышения по службе, а тут...

Зав с практическим умозрением. Конечно, ничего! Завы в природе не творятся и не пропадают. Сегодня завствуешь в Шахтоуправлении, а завтра в ГОМЭЦ, а послезавтра в Взрывсельпромгвиу.

Голоса. Разумеется. Ну, конечно... (Почерпая мужество в самих себе, пишут счета и требовательные ведомости, кто, как умеет. Кои за командировки, кои на ремонт, кои натурой).

Шепелявый голос. Одначе касса закрыта. Выдачи временно приостановлены. (Общее недоумование и неверие. Малодушные теряют дух).

Сам зав. т. Наполеонский (входит грандиозной походкой главного. Глаза прекрасны. Из ноздрей клубы дыма и огня. Секретарь благоговейно принимает портфель). Товарищи! Мои дорогие созавы! Что вижу я? Уныние! Скорбы! Неверие! Что с вами? Вы не просители, а завыв! (Груды у всех вздыбливаются, в очах сверкание, от сверкания даже зайчики забегали по стенам). Небось, не впервой! (Все задирают носы). Разве без нас возможно обойтись?

Все. Нельзя, безусловно нельзя!
Наполеонский. Так об чем речи! Неужели мы кого-нибудь обидим? Неужели мы не сумеем выполнить постановление как следует?

Голоса. Выполним, выполним. И даже штаты увеличим.
Наполеонский. Кто сказал об увеличении штатов? Никаких штатов, никаких увеличений! Ну, довольно разглагольствовать. Надо действовать! Вот задание (директивным голосом, вливая сомоуверенность и страсть в заведывание). Итак! Слушали!

Хор. Постановили!
Наполеонский. Да, постановили. Постановили единогласно. Принять к сведению и руководству! (Завы все расписываются, ухитряясь попутно написать заявления кто о путевке, кто о пособии). Это еще не все. С сего числа название „штаты“ упраздняется.

Все. Ах!
Наполеонский. Ничего не „ах“! Вводится новая терминология: контингенты, а вместо завов — руководы, бригадиры, командиры, канцлермейстеры, папирмейстеры и бухмейстеры. А можно и буквами: БТ, БЧ, ЭЧС и т. д. Букв на всех хватит. Поняли?

Голоса. Так точно, поняли. Орел! Гений! (Слезы энтузиазма. Все встают).
Зав-полубрат. Однако осмелюсь доложить, Миша, в постановлении ясно сказано: кто работает под землей, у того ставки выше. (Наполеонский задумывается, моментальная паника).

Наполеонский (очнувшись). Под землей? Что значит под землей? А мы не под землей?

Зав-полубрат. Извини, Миша. Мы, так сказать, под солнышком.

Наполеонский. Пустяки. Ну, так и мы будем все работать под землей!

Все. Ах! (Малодушные теряют дух).

Наполеонский. Ничего не „ах“! С сего числа приказываю накрыть крышу нашего Управления землей и дерном, дабы не размыло.

Все. Ура!
Наполеонский (секретарю). Распорядись, братец, и сейчас же молнируй: все Управление перешло на работу под землей, над нами не каплет и каковы новые подземные ставки.

Секретарь. С—сь...
Все. Урра! (Бросают вверх папки с бумагами. Но тут опускается железный занавес РКИ. Крики „ура“ переходят в „караул“).

Б. САМСОНОВ

Товарищ Жеребкин, директор Егорлыкского совхоза, изнемогает от непосильного труда.

Вот уже 15 минут, как он непрерывно вертит ручку телефона и безостановочно кричит в трубку управляющему 4-го отделения Герасименко.

— Алло, Герасименко? Алло! Алло! Сообщите, как идут работы. Что с севом?

Герасименко уже сообщил, что план выполнен в совершенно ничтожном размере, что шел дождь, что земля неподходящая, что „Катерпиллер“ свалился в болото и прочее и подыскивает еще несколько подходящих и „объективных“ причин.

Как только директор начинает разоблачать липовую базу всех этих причин и требует усилить темпы, Герасименко внезапно делается туг на ухо и абсолютно ничего не слышит.

— Почему не сеете? — кричит директор.

— Ничего, питание удовлетворительное, — отвечает Герасименко.

— Сколько засеяли аэропланы? Они у вас пятый день бездействуют. Безобразия! Под суд! — свирепствует директор.

— Да, да, артисты приехали, — успокаивает его Герасименко.

Директор багровеет, бросает трубку, плюет, кидается в полуторатоннку и мчится в шестое отделение.

Два легких изящных аэроплана спокойно стоят в поле. Иногда к ним подезжает трактор, и какие-то люди выгружают мешки с зерном. Потом подезжает другой трактор, люди наваливают в него это же зерно и везут обратно.

Машины молчат.
Говорят за них летчики Мальгинов и Ксения Санчук. Они сидят в халупе и играют в шахматы.

Летать им некогда, ибо летный день проходит в ползаньи по бригадам и розыске Герасименко и прочих администраторов.

— „Крокодил“? — вскакивают летчики. — Голубчик, да вас-то нам и надо. Пишите о том, как здесь аэроплан превращают в черепаху. Мы можем засеять 600 гектаров в день, а семя 40...

— Почему? Да потому хотя бы, что аэропланы совхоз получил, а вот решета получить никак не может. Да, да! Простого обыкновенного решета добиться не могут, чтобы просеять зерно. Ведь у нас аппараты засоряются.

— Сигнальщики на поле должны явиться в 6 час. утра, а приходят в 11. И это, видите ли, потому что зав. столовой изволит поодно спать, а начсоставу некогда его разбудить.

Летчики забыли про шахматы, они наперебой рапортовали о том, как сверхиндустриальная техника аэроплана увязла в болоте „райского“ разгильдяйства и обломовщины.

Тишину весеннего гула прорезал шелкающий гул моторов.

Один за другим взмывали над степью аэропланы.

Машины летели низко над землей, почти задевая на виражах соломенные крыши. Золотистая струя зерна разметалась струйками, укладываясь в упругий чернозем.

Рядом шел „Катерпиллер“, таща за собой целую улицу сенокосов. Чемпион полей шел молотком. Но он сдавал темпы легкой воздушной птице.

Летчик, узнав меня, весело махал сверху рукой. Еще бы: день работы и четверть плана готова.

Без балласта Герасименко и ему подобных воздушная птица легко взмыла вверх на полный ход.

БЕН-ГАЛИ

СЕРЬЕЗНЫЙ МУЖЧИНА

Работник Краснодарского горлита т. Головка за короткое время успел

„запретить стихотворение В. Инбер „Яблочко“, уже напечатанное в ее сборнике стихов, распорядиться, чтобы в одной из пьес в местном театре слово „товарищ“ было заменено словом „гражданин“, а также сделал выговор редакции „Красное знамя“ за перепечатку из московского журнала „За рубежом“. Когда ему было указано, что этот журнал выходит под редакцией Горького и Кольцова, Головка заметил: „Будто уверены, в Москве их уже за это, наверно, изгнали“.

И такому человеку фамилия — Головка! Мы были значительно лучшего мнения об этой части человеческого организма.

ЛОПУХИ И УМНИКИ

Россошанский горсовет (ЦЧО) издал распоряжение об обезличении города,

предложив каждому гражданину идти за 8 километров в питомник за деревьями, а уклоняющимся от обезличения постановил штрафовать в размере 100 руб. В результате весь город изрыт ямами для посадки, куда

сваливаются в темноте прохожие, а никакого озеленения не было.

А лопухи, которые вырастает в ямах, — это не зелень? Для такого горсовета и лопух — тропическая пальма.

„ВСЕ В ПОРЯДКЕ“

В гор. Бийске (Западная Сибирь) строится сахарный завод. На стройку в качестве инженера-строителя приглашен гр. Гаузе.

Получив 3.163 р. 80 к. поданных, гр. Гаузе благополучно приехал на стройку и не менее благополучно пробыл здесь три месяца. Лишь на 4-м месяце обнаружилось, что гр. Гаузе, собственно говоря, не инженер-строитель, а сахаровар.

Все это в конце-концов пустяки. Гр. Гаузе все же можно использовать на строительстве. Нужно только вместо сахарного завода начать стройку электростанции. Делается это так... Впрочем, кого учим? Бийские хозяйственники ведь сами все знают.

КАЛУЖСКИЙ ФИЛЬМ

(Опыт киносценария)

ПЕРВЫЙ КАДР. Слегка белело тело женское в тумане. Омывалось это тело в ясный день в калужской бане.

ВТОРОЙ КАДР. Оцепенели все в смятыни и в кручине: появилось три портфеля, и при каждом — по мужчине.

ТРЕТИЙ КАДР. В испуге диком, в толчее и общей давке все тела с безумным криком спешно прячутся под лавки.

КАДР ЧЕТВЕРТЫЙ. Три портфеля безо всякого смущенья, не моргнувши, осмотрели пар, тела и помещенье.

ПЯТЫЙ КАДР. Тела визжали, но не тронуты нисколько, три портфеля им сказали: „Мы комиссия и только“.

Вот и все. Но в заключение, без излишних комментариев, мы такое добавление предлагаем в сей сценарий.

КАДР ШЕСТОЙ. Гостей незваных разложив по верхним полкам, не жалеть давший банных: окатить их паром колким, в ход пустить огонь и воду и, попарив с пылом-жаром, отпустить их на свободу и поздравить „с легким паром“.

ЯДОВ

РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Изумительный вечер догорает в весенней степи за поселком. Паровозы на станции переключаются разнеженными, мягкими голосами. В поселковом саду желдорклуба загорелись лимонные огни. Собирается, гудит, смеется народ.

Пушистая пыль улеглась; в саду пахнет вишневым цветом и сыростью от пруда. За зеленой оградой ряды скамеек; открытый экран мерцает жемчужными искрами. Шелчутся пары. Одиночки вслух повторяют надписи. Мальчишки кукарекут впереди.

Идет первым сеансом завезенная бог весть откуда потрепанная картина „Белла Донна“. На экране проплывают шикарные фраки, мундиры, роскошные плечи, колоннады, автомобили и роскошные профили.

Никчемущная графиня гостит у неестественно бородатого шейха или эмира. Колышатся пальмы, султаны на чалмах. Дело как будто происходит в Египте или Марокко. Графиня пуляет глазами на шейха. Шейх гладит адскую бороду, нагибается к адъютанту в аршинной феске, шепчется. Появляется надпись: „Ось побачь, пан Осман, яка гарна графиня. Она мене знатно зацікавила!“

За барьером, под экраном, худолуция пожилая женщина. Она усердно лупцует усталые клавиши, и вальс аккомпанирует бородатым чувствам завезенного влюбь Украины эмира. Дробный топот сзади. Человек бежит по проходу и взволнованно зовет:

— Онисья Миколавна! Товарищ Чекур! Идуть швидко до сьомого барака, бо вже стрелочника Шерстеченко рожаеть..

Вальс вдруг обрывается. Пианистка встает. Деловито говорит публике: „Извиняюсь, товарищи. Надол!“ и поспешно идет за прибежавшим. В руках у нее растопыренный саквояж. В нем бренчат инструменты.

Шейх-эмир уже без музыки скачет по экрану на пряничном жеребце. Графиня молча льет глицериновые слезы. Публика оживленно перешептывается. Перерыв.

В душистом сонном воздухе остро и сладко потянуло махоркой. Смех горстями серебряной мелочи просыпался у ограды: спешивший к саду человек в полутьме споткнулся о разлегшегося среди улочки грузного бугая. Дивчата и хлопцы хохочут.

Через час-полтора вновь искрится экран. Идет кинохроника: фиолетовые краны вздымают нудовищные машины. Сотни людей облепили растущую в небо плотину. Над московскими башнями стрекочатся аэропланы, плывут майские облака, а под ними — остря и языки знамен. В проходе снова спешные шаги. К сиротливому роялю почти бежит давешняя Онисья Миколавна. Она тяжело и радостно дышит; саквояж бренчит победно.

Плюхнувшись на табуретку, пианистка секунду глядит на экран. Голоногие пионеры дудят в длинные трубы, сверкают коленками. Руки пианистки взлетают и падают, и взмывающий марш Буденного встречает пионеров. На скамьях подпевают, ловя героические синкопы:

„Мы к 'расная к 'авале 'рия
И п 'ро на-ас“

Хроника гаснет. Загораются желтые лампочки на столбах. Зрители спешат к барьеру, обступают пианистку. И подняв от рояля худощавое пожилое лицо, озаренное теплой улыбкой, пианистка ласковым шопотом сообщает всему залу:
— Мальчик. Двенадцать фунтов!

Это я видел сам. В поселке Пятихатка, Криворожского округа, где однажды в разгаре киносеанса родился еще один счастливый гражданин СССР.

Но вот тот, кто послал в Пятихатку дрянную, старую картину с шейхами и заикающимися графинями и кто писал эти нелепые надписи на псевдоукраинском языке, — пусть уж лучше бы и не родился.

ЛЕОНИД САЯНСКИЙ

О П Е Ч А Т К А

(Ко „дню печати“)

В статью газетного порядка
Случайно вкралась опечатка.
Ну, что ж! ближайшего числа
Она исправлена была.

Но, не исчезнув без остатка,
Досаднейшая опечатка
В поправку вкралась — и, глядь,
Пришлось поправку исправлять.

Взрevesи „Корректора — в отставку!“
Завред к поправке дал поправку.
Но и в нее — беда к беде! —
Случайно вкралась и т. д.

Мораль банальна, вывод крат:
Остерегайтесь опечаток!
Им только б вкратиться — в
прозу, в стихи,
Характер вкрадчивый у них.

О П Т И М И З М

Редактор „Н-ского листа“
В стихах „Зеленая тоска“
Поэта мысль нашла опасной.
— Я, — говорил он, — на-чеку.
И вот ЗЕЛЕНУЮ тоску
Он заменил... тоскою КРАСНОЙ!

Двум pessimистам вопреки
Я против ВСЯЧЕСКОЙ тоски.

ЭМИЛЬ КРОТНИЙ

SIMPLICISSIMUS

Рис. Л. Б.

Der Verlautbarung auf der Titelseite dieser Nummer haben wir noch anzufügen, daß die Zurücknahme des zeitweiligen Verbots unseres Blattes erfolgt ist, nachdem wir der Regierung gegenüber loyale Verhalten in nationaler Beziehung in der Form zugesagt haben und in Hal dieser Zusage ginzliche Einstellung der ...

Redaktion Verlag und Drucker
Simplicissimus

ТЫ СКАЖИ МНЕ,

ТАКИНА,

СКОЛЬКО

ТЕБЕ

ДАДЕНО

После запрещения фашистским правительством германский сатирический журнал „Симплициссимус“ начал выходить вновь... изменив вежи и опубликовав следующее извещение:
„В связи с публикацией на обложке настоящего номера нужно добавить, что снятие временного запрета нашего издания последовало после нашего заявления правительству о лояльном отношении к нему и национальном духе нашей редакции.“

Рука об руку с этим обещанием была проведена реорганизация редакции.
Редакция и издательство „Симплициссимус“

ГДЕ ЗАРЫТА СОБАКА?

ВОТ, ГДЕ ЗАРЫТА СОБАКА!..

Ответственный редактор М. МАНУИЛЬСКИЙ

Редколлегия: Я. БЕЛЬСКИЙ, С. ДОРОФЕЕВ, М. МАНУИЛЬСКИЙ, Л. МИТНИЦКИЙ

Заведующий редакцией И. АБРАМСКИЙ

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 8. Тел. 3-70-16. Прием введи. с 1 до 5 час. Подписная цена на журн.—90 к. в м. Подписка принимается только почтой Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Москва. Изд. № 362.

Сдача текста и рисунков—19/IV.

Подпись к печати—27/IV.

Статформат А9 — 220×333. Печатных листов 2. Количество знаков 117.60

Уполномоченный Главлита № В — 45192

2-я типогр. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“, Москва, Сушеvский вал, 49.

Зак. № 385. Тираж 210.000

„ПОСЛЕДНИЙ“ КУЛАК

7 6771

БАБУШКА ЗАТАЩИЛА

Рис. А. Топикова (тема В. Кулагина)

(Баллада)

Баллады писать безнадежно старо,
Задача моя не легка,
Но все же пишу я балладу про
„Последнего Кулака“.

АРХИВ

8 - МАЯ 1933

Кулаки замяты в стальные тиски,
Меняются так и сяк,
Но в деревне Березовые Лужки
Доживал Последний Кулак.
Последний — планатный —
известный нам:
В жилетке рубашки сверх,
На ялиросе певший по праздничным дням,
Отчаянный изувер.
Он был пузат, он был коренаст
И, гуляя в виде таком,
Разительный он представлял контраст
С бедняком и середняком.
Но вот раскулачены кулаки,
Высланы, — кто куда,
И в деревне Березовые Лужки
Колхоз под названием:
„Звезда“.

Но тот Кулак, изо всех один,
Личины с себя не сверг.
Ходил он жирный, как масляный блин,
В жилетке рубашки сверх;
Ходил он в жилетке рубашки сверх,
Скала зубастую пасть,
На ялиросе пел, такой изувер,
И хулил советскую власть.
И наблюдал, упорен и зол,
За обобщественной межей...

Однажды в колхоз человек пришел,
По видимости — чужой.
Он шел, в руках подрамник держа,
Кисти, краски и лан.
И видит вдруг — перед ним межа,
И на меже — Кулак!

Художник (ибо это был он,
Его послал Изюгиз)
Протер глаза:
„Никакой не сон!
„Какой приятный сюрприз!
„Кулак! Настоящий живой кулак,
„Вполне законченный тип!“
— „По имени, отчеству звать тебя как?“
— „Зови просто — Антип!“

— Так вот, поскольку вы, гражданин,
Выдержаны вполне,
То в силу контрактационных причин
Должны позировать мне!
Я с трепетом сердца ответа жду!
И молвил Кулак в ответ:
— Ежели, снажем, за некую мзду,
Так отчего же нет?
И вял Кулак живописца мольбе.
И, вдохновясь уже,
Художник сел, укрепив мольберт,
На самой на меже...

Чирикали птички. Сгорал закат.
Нахлобучилась ночи тьма.
И был нарисован такой плакат,
Что прямо сойти с ума.
Кулак — как живой!
Укусит — не тронь!..
В жилетке рубашки сверх,
И классовой ненависти огонь
В его глазах не мерк...

Пошла про картину широкая весть,
Невиданная на веку,
Большая художнику выпала честь
и большая — Кулаку!
Кулак в своем униженьи возрос,
Он поднялся в цене,
Зане на художнический запрос
Удовлетворял вполне.
Стоит художников легион
В длиннющем хвосте перед ним
И пищут картины с него,
ибо он
Совершенно незаменим!
Он стал для художников, как родной,
И мнение такое у всех,
Что нигде натурщице ни одной
Не снился такой успех!
Последний Кулак пошел на расхват,
В нем нашли особенный стиль,
И слух прошел о том что, его хотят
Пригласить сниматься для фильм.

А дальше случился в колхозе афронт —
Большущая беда:
Семенной фонд, семенной фонд
Пропал незнамо куда!
Навоз перемешивали с овсом,
Портили лошадей,
И дознались, что был виноват во всем
Не Антип совсем, а Фаддей.
А Фаддей не влезал ни в одну из схем,
И в нем замечательно то,
Что он замечателен не был ничем:
Носил простое пальто,
Не мазал маслом лампадным волос,
Не сверкал глазами, как тать,
И вообще —
Нам не довелось
На плакатах таких встречать!

АРГО

— Что же это за клуб, бабушка? Пасха давным-давно кончилась, а они почему-то антирелигиозную пьесу играют?!

Оформление Л. Бродяты. Журнал набран и отпечатан во 2-й тип. изд. ЦК ВКП (б) „Правда“. Фотомашинок — П. Мягков. Редакция под руководством Г. Жимерикина и Б. Крылова. Мастах А. Федосеева. Зав. печат. отд. — Д. Егоров и А. Давыдов.